

Формула консента как потенциальный мотиватор на конструктивное взаимодействие

Formula of consent as a potential motivator for constructive interaction

А.И. Лазарев

учредитель историко-филологического фонда им. А.А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

A.I. Lazarev

founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В настоящей статье предлагается научному обсуждению и критике новое понятие *формула консента* в сопоставлении с уже относительно известным в научной литературе понятием *формула справедливости*; кратко описываются его аспекты – логико-философский, физико-математический, биосоциологический, мифологический, богословский, культурологический и лингво-психологический, а также обозначаются цели и задачи введения нового понятия, преимущества и ограничения его использования, сферы его применения.

Ключевые слова: формула консента, формула справедливости, формула любви, устойчивое развитие, общественное мнение, конфликтогенез, язык ненависти, психологический тип личности, языковая картина мира, пуризм, универсальная характеристика, совершенный язык, поэтика заглавия, философия имени, топос.

Abstract

In this article, a new concept of the *formula of consent* is presented for scientific discussion and criticism, in comparison with the concept of the *formula of justice*, which is already known in the scientific literature; its aspects are briefly described – in particular, logical-philosophical, physical-mathematical, mythological and theological, linguistic-psychological, bio-sociological and cultural, and also are designated goals and objectives of introducing a new concept, scope of its application, advantages and limitations of its use.

Key words: formula of content, formula of justice, formula of love, sustainable development, public opinion, genesis of conflict, psychological personality type, universal characteristic, hatelanguage, perfect language, philosophy of the name.

*INCUMBO FORMULAE
(ПОЛАГАЮСЬ НА ФОРМУЛУ)*

*Существующее добро подвержено разрушению
не только через внешнюю случайность и через зло,
но и через коллизия и конфликт в сфере самого добра.
Георг Гегель*

В современном мире, где эффективная коммуникация играет ключевую роль в достижении целей *устойчивого развития*, вопросы, связанные с тем, как стимулировать и вдохновлять людей на конструктивное взаимодействие, становятся всё более актуальными, поэтому существует постоянная потребность в поиске новых инструментов и методов,

способствующих взаимопониманию и ориентации участников объективных противоречий на их конструктивное решение, а также – снижению числа конфликтов во всех сферах общественной и частной жизни. Одним из таких инновационных средств предлагается *формула консента* как гипотетическая и теоретическая модель (или как теорема, требующая своего доказательства), согласно которой каждое объективное социальное противоречие имеет по крайней мере один вариант конструктивного решения.

Эта концепция, впервые выдвигаемая к научному обсуждению и критике, изображается в настоящей статье в виде трансцендентального мотиватора или побудительной предпосылки к конструктивному взаимодействию на основании объективных противоречий. *Формула консента* представляет здесь собой не столько технику или методику, сколько, так сказать, философский и наукословский пролепсис (от др.-греч. *πρόληψις* «предположение, предчувствие, предвидение»), полагаемый в основу побудительного мотива для созидательной кооперации как в межличностных отношениях, так и в национальных и мировом сообществах. В этой статье будет предпринята попытка обозначить и кратко описать предпосылки возникновения и её основные аспекты, а также то, как она может служить источником творческого вдохновения для субъектов противоречий. Эта концепция будет представлена здесь не столько как средство достижения консенсуса, сколько как идеальная модель для конструктивного подхода к разрешению объективных социальных противоречий.

Итак, цель этой статьи: обозначить *формулу консента* как гипотетическую пропозицию, мотивирующую субъектов социальных противоречий на поиск их конструктивных решений с учётом интересов всех сторон, а также – подчеркнуть важность конструктивного взаимодействия как способа создания более гармоничного и согласованного общества.

Чтобы приступить к описанию понятия *формула консента* и его контекстуального содержания, нужно предпослать тому краткое объяснение значений слова *consent* в английском языке и их влияние на значения в русском, а также определить общий смысл слова *формула*, пришедшего в русский и другие европейские языки из латыни (от лат. *formula* – уменьшительное от *forma* – «образ, вид») и выражающего в символическом виде содержание логического высказывания.

Слово *consent* заимствовано в русский язык из английского, где означает сущ. *согласие* и гл. *соглашаться*, но происходит также из латинского, от глагола *consentire* («соглашаться») – в соединении приставки *con-* и глагольного корня от *sentire* («чувствовать; узнавать; думать», далее из праиндоевр. **sent-* «идти») [64]. В настоящее время слово *consent* в кириллице выглядит новацией и не имеет в русском языке определенного лексикографического значения, поскольку не входит в современные толковые словари, хотя уже и встречается в некоторых текстах, где имеет перешедшие из английского значения [24]. Например, в юридическом контексте *consent* означает согласие на участие в сексуальных отношениях вне зависимости от пола (при этом различаются разные его виды: явный и подразумеваемый, вербальный и невербальный, вестительный и т.п.) [23]. Эти контекстуальные значения можно считать общими для английского и русского языков.

В английском языке слово *consent* употребляется и как глагол, и как имя, и встречается в заглавиях ряда книг англофонных авторов, значительно повлиявших в XX в. на формирование мирового общественного мнения. А поскольку заглавие, с точки зрения его лингвистического и литературоведческого исследования в связи с семиотикой печатного текста [10], может воплощать собой «стянутое до объема двух-трех слов» содержание и «вправе выдать себя за *главное* книги» [28], видится целесообразным рассмотреть понятие *формула консента* в контексте *поэтики заглавия*, представляющем название как конструктивный и значимый элемент текста и ключевой компонент его семантики (в виду своей абсолютно сильной позиции) [42].

Исследование взаимоотношений заглавия и текста в связи с философией имени имеет в отечественной традиции уже столетнюю историю наблюдений [26]. По мнению специалистов, в заглавиях как в *именах текстов* содержится «культурное богатство, накапливаемое в течение веков», поскольку «имя есть энергично выраженная умно-символическая и магическая стихия мира» [36: С. 97, 231], имеющая фатальный и

определяющий характер [5]. Такой подход к рассмотрению соотношения заглавия и текста позволяет ассоциировать содержание этой статьи, в виду номинальной связи, с рядом знаковых произведений выдающихся мыслителей XX в.

Это, в первую очередь, касается книги Эдварда Бернейса *The engineering of Consent* («Изобретение согласия», 1947), посвященной технологиям управления общественным сознанием и ставшей одним из источников формирования профессиональных представлений об искусстве PR. Бернейс называл *engineering of consent* «сознательной и разумной манипуляцией организованными привычками и мнениями масс» с целью склонить общественность к принятию конструктивных ценностей и считал её сутью демократического процесса. Когда *инженерию согласия* используют ради общественного блага, полагал автор, её вклад в эффективное функционирование общества неоспорим, поскольку она затрагивает практически каждую сторону повседневной социальной жизни [57].

Понятие *consent* стало определяющей идеей и в названии книги нобелевского лауреата Джеймса М. Бьюкенена и его соавтора Гордона Таллока *The Calculus of Consent* («Расчет согласия», 1966), где рассматривались проблемы построения и основные принципы общей теории политической организации на мотивационных предпосылках, или *теории общественного выбора*. Целью авторов здесь было – «найти теоретическую определенность» в «процессе выбора порядка принятия решений» и сформулировать приемлемые для всех участников правила с учётом собственных долгосрочных интересов. При этом отмечалось, что достижение согласия – это дорогостоящий процесс, в котором издержки могут превышать выгоды [58]. Методологические модели этого процесса были близки к тем, что использовались в формирующейся тогда «теории команд», а именно: определение ключевой идеи и философии деятельности команды; необходимость ориентации всех и каждого из её членов на инновационные способы достижения общей цели; реализация консенсуса (общего согласия) относительно способов и инструментов достижения общей цели; умение каждого члена команды работать на основе координации действий, для чего нужна «невысокая вероятность и/или конструктивное содержание возможных конфликтов» и т.п. [14].

Следующей из ряда книг, в заглавии которой присутствует слово *consent*, необходимо отметить произведение одного из «самых важных живущих сегодня интеллектуалов» (по мнению *The New York Times Book Review*) Ноама Хомского и его соавтора, экономиста и социолога Эдварда Хермана, *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media* («Производство согласия: политэкономия масс-медиа», 1988), описывающее модель пропаганды в связи с теорией о наличии систематических искажений в СМИ на основе частных экономических интересов [61]. Примечательно, что идея названия *Manufacturing Consent* была заимствована авторами из книги *Public Opinion* («Общественное мнение», 1922) ещё одного представителя плеяды наиболее значимых политических теоретиков XX в. Уолтера Липпмана, оказавшего в своё время существенное влияние и на вышеупомянутого Эдварда Бернейса (кстати сказать, племянника Зигмунда Фрейда). По замыслу Липпмана, умение приходить к согласию служит инструментом, способным изменить любой политический расчёт и перестроить любой политический фундамент, поэтому создание единого мнения (*Manufacturing of Consent*) – искусство ювелирное – является одной из главных задач для лиц, принимающих решения («специализированного класса»), ведь нет никакого другого пути заменить «кровавую работу меча» на «умеренное влияние государственных чиновников». Липпман полагал, что полная реализация демократии в общественных делах невозможна до тех пор, пока не будет радикально усовершенствовано искусство достижения общего согласия [62].

С точки зрения поэтики заглавия *формула консента* ассоциируется с ещё одной широко известной и символической для лютеранского мира книгой *Formula Concordiae* («Формула согласия», 1577), подписанной шестью теологами в Бергерском монастыре близ Магдебурга и направленной на прекращение межконфессиональных христианских распрей, возникших уже после смерти Мартина Лютера среди его последователей.

К этому списку следует добавить и заглавия ряда научных статей *The Spencerian Formula of Justice* (1911) [66], *The Formula of Justice: The OntoTopological Basis of Physica and Mathematica* (2015) [65], «*Формулы справедливости*»: *взаимосвязь научного и мифологического дискурсов* (2018) [52], посвященных теоретическому определению и описанию *формулы справедливости*, имеющей с *формулой консента* общие когнитивные источники, которые можно назвать *софийными*, поскольку они суть эманации Премудрости – разумного начала мира [Притч. 8:22].

Если же обратиться к названиям художественных произведений, следует вспомнить «Формулу любви» из снятого Марком Захаровым по мотивам повести Алексея Толстого и по сценарию Григория Горина художественного фильма о похождениях графа Калиостро в поисках *формулы* единственного чувства, которое он хотел научиться вызывать в человеческих сердцах, – *любви*. Но если в этих художественных произведениях речь шла о магической материализации чувств (алхимического характера), то в случае с *формулой консента* задача заключается в попытке графического и символического воплощения гипотезы в наукословском тексте.

Настоящая статья добавляет в этот ряд заглавий новое словосочетание, однако понятие *консент* имеет в такой комбинации несколько иное содержание, чем то, что подразумевалось в вышеупомянутых текстах, и рассматривается в контексте, обозначенном в брошюре «Основы консентологии» (2010), где *консент* выступает в качестве основной категории *консентологии*, как плод, развившийся из *консентогена* в процессе *консентогенеза*, или как плодотворный результат разрешения объективного противоречия субъектами-носителями *консентного типа сознания* [29].

Используя достаточно известный и устойчивый во времени и пространстве способ получения достоверного знания об окружающем материальном и духовном мире, основанный на логических умозаключениях и обобщениях, дедукции и индукции, сравнении, критике человеческого опыта и наблюдения за ним, у появления *формулы консента* можно выявить ряд определённых предпосылок в истории развития не только философской и религиозной мысли, но даже и в первичных мифологических представлениях.

Философские предпосылки для появления мысли о существовании *формулы консента* обнаруживаются в трудах античных мыслителей, начиная с идей Пифагора о гармонии в музыке и Платона о социальной симфонии, или даже ещё раньше – в первичных мифологиях, восходящих к двум мотивам *основного космогонического мифа* [30]. Пожалуй, нагляднее всего эти мотивы можно рассмотреть в сравнении представлений о мироздании Гераклита и Эмпедокла. Если первый утверждал, что «Молния управляет всеми вещами», а отцом всего является конфликт: «Война – царь всех», поскольку вражда есть закон, всё возникает через неё и взаимобразно [12]; то второй имел альтернативное мнение об этих утверждениях, предлагая возносить «ум к источнику дружелюбия и подвигов дружных» и замечая, что врожденным чувством для смертных является не вражда, а любовь [55]. О бытующих в античности диалектических взглядах на войну и мир свидетельствует и отец истории Геродот, передавший в первой книге своей «Истории» слова лидийского царя Креза персидскому царю Киру: «Никто настолько не безрассуден, чтобы предпочесть войну миру» [13].

Разумеется, в попытках отыскать отголоски первичных мифов природы в позднейших религиях и философиях нужно быть крайне аккуратным и утверждать о соответствии того или иного сюжета *космогоническому мифу*, если только имеются «достаточно прочные аналогии, способные без натяжек свести гипотетический миф на действительно возможное в первобытную эпоху мифическое мирозерцание» [20]. Однако слова Гераклита о молнии в связи с враждой, управляющей всеми вещами, как и слова Эмпедокла о врожденной любви, настолько сильно бросаются в глаза в таком контексте, что позволяют рассматривать среди источников формулы один из мотивов *основного мифа*. Из этих умозаключений Эмпедокла можно сделать вывод, что противоречие служит предпосылкой к единению, а единство – к разделению, т.е. именно противоречие является источником консента.

Если рассматривать *формулу консента* как аристотелевский риторический *топос*, являющий собой, по словам А.Ф. Лосева, «непобедимое жизненное торжество самой человеческой части логики» [35], то предпосылки для появления идеи о возможности её существования можно увидеть в рассуждениях многих других церковных и светских мыслителей минувших столетий. В частности, у Блаженного Августина, предлагавшего избегать всяких поводов к раздору, «чтобы не быть вверженным во тьму кромешную за уклонение от самой истины» [4], и говорить, горя огнем любви, а не негодованием раздора; любить согласие, порождаемое добродетелью, а не раздоры, порождаемые порочностью [3]. Или в мыслях Георга Гегеля о присущей взаимодействию субстанций некой *предустановленной гармонии*, изымаемой из-под власти понятия и означаемой не что иное, как некоторую предпосылку; а также – о *разумности судьбы*, заключающейся в том, «что высшая сила не может потерпеть, чтобы конфликты, получили устойчивое существование. <...> Вечная справедливость как абсолютная мощь судьбы отстаивает гармонию нравственной субстанции против напора вступающих в коллизию частных сил» [11].

Очевидно, содержание и сущность справедливости, противопоставляемой насилию и полагаемой ключевым источником правовых отношений на протяжении всей истории цивилизации, имеют общие основания с содержанием *формулы консента*: Эпикур называл справедливость «договором о полезном – с целью не вредить друг другу» [15]; в таком же примерно духе о понимании справедливости как органичной кооперации рассуждал и Платон, имея в виду социальную симфонию; у Гесиода, как и у Гомера, справедливость противопоставлялась силе и насилию (или конфликту) [40; 41]. В последующие столетия «формула», согласно которой «справедливость» – это когда мысли и дела людей направлены на «общее благо», т.е. на взаимовыгодное взаимодействие, была многократно поддержана в научных и публицистических трудах исследователей всего мира [52]. Ж.-Ж. Руссо подчеркивал универсальный характер *справедливого*, «ибо оно общее для всех; полезное, так как оно не может иметь иной цели, кроме общего блага». Великий мыслитель заявлял: «Всякая справедливость – от Бога, Он один – ее источник...» [43]. Со временем, когда руссоистские представления были включены в Конституции, последние заменили собой Бога как источника справедливости. (Позднее свою знаменитую *формулу справедливости*, широко известную как *закон равной свободы*, вывел и Герберт Спенсер: «Каждый человек волен делать то, что он хочет, при условии, что он не нарушает равную свободу любого другого человека») [65].

К сожалению, наука до сих пор не разработала математически строгую «Общую теорию справедливости», пронизывающую бытие на всех его уровнях, поскольку справедливость – это абстрактный идеал, во многом похожий на бесконечность, так что о ней можно много говорить, но никогда полностью не понять, ни тем более достичь [65]. Однако, несмотря на то что реализация идеала справедливости является делом непростым, он (как *semina aeternitatis*) всегда влиял и продолжает оказывать влияние на сознание людей различных религиозных или даже атеистических взглядов в силу своего универсального характера. В этом-то и состоит одна из главных функций *формулы справедливости* в социальном бытии: она всегда направляет деятельность законодателя, устанавливающего основы общественно-правовой и государственной жизни [38]. Примерно такие же предназначение и статус видятся и у *формулы консента*, только не в правовой, а коммуникационной сфере.

Отблески этой гипотетической формулы можно обнаружить и в рассуждениях Готфрида Лейбница об *универсальной характеристике* (и её элементах) как об инструменте для эффективного вычисления истины; об истинности общеутвердительных и частноотрицательных предложений; а так же о том, что посредством исчислений могут быть доказаны все формы категорической логики, «подобно тому, как в буквенной алгебре производятся вычисления с цифрами вообще, выраженными буквами, которые обозначают любые специальные числа, известные и неизвестные» [32]. Чтобы определять истинность суждений, Лейбниц предлагал: «Давайте посчитаем без лишних слов и посмотрим, кто прав!» («Искусство открытий», 1685). Несмотря на то, что в связи с теоремой Курта Гёделя о неполноте [достаточно богатых

логических исчислений] появилось мнение о не вполне состоятельности этих рассуждений Лейбница, вопрос едва ли можно считать однозначно решенным этой теоремой Гёделя.

Мысли об *универсальной характеристике* стали, кстати сказать, одним из аргументом в пользу возможности построения *совершенного языка*, «который мог бы облегчить открытия, сблизив ученых разных наций, и стать посредником между всеми языками, оказавшись доступным даже для людей, наименее восприимчивым к обучению» [59]; или *априорного философского языка*, так или иначе связанного теперь со всеми проектами Искусственного интеллекта [54]. Примечательно также в контексте этой статьи, что рассуждая о словах и о языке вообще, Лейбниц обращал особое внимание на *злоупотребления словами* [33].

Автор *системы предустановленной гармонии* предлагал *универсальную характеристику* как доказательный инструмент, тогда как *формула консента* не столько призвана доказывать правоту одного или другого участника дискуссии, сколько инициировать поиск вариантов конструктивного взаимодействия на почве объективного противоречия. Таким образом, *универсальная характеристика* как репрезентация «величайшего инструмента разума» служит для рассуждения и доказательства, а *формула консента* настраивает на участие в конструктивном взаимодействии, то есть первая ориентирована больше на *мыслителей*, а вторая – на *деятели* (безусловно, всякой разумной деятельности должны предшествовать основательные рассуждения и вычисления).

Теоретически можно предположить, что есть некоторые социальные противоречия, конструктивное решение которых настолько ресурсоемко, что конфликт видится более выгодным и единственно возможным вариантом. Количество такого рода противоречий на фоне общего мыслимого и немислимого их числа можно наглядно изобразить с помощью кривой Гаусса, предполагающей наличие ряда противоречий, у которых могут быть только конструктивные варианты решений, вместе с существованием таких, консентное решение которых будет казаться настолько затратным в сравнении с конфликтным, что практически невозможным или просто невыгодным.

Итак, содержание логико-математического аспекта *формулы консента* заключается в гипотетическом предположении о том, что у каждого объективного социального противоречия есть по крайней мере один конструктивный вариант его решения, нахождение которого, однако, бывает сильно затруднено по разным причинам – недостатку информации и вычислительного потенциала, зависимости от контекста и т.п.

Особое значение в определении содержания *формулы консента* имеет психолингвистический кластер, объединяющий её лингвистический и психологический аспекты.

Главная задача описания лингвистического аспекта *формулы консента* заключается в решении проблемы, связанной с подменой в активной речи слова *противоречие* словом *конфликт* и имеющей несколько оснований. Во-первых, в виду экспрессивности и краткости последнего, а также иррациональной склонности носителей к *языковой экономии*, т.е. к минимизации усилий говорящего субъекта в процессе пользования языком [44]. Кроме стремления к использованию семантически емких языковых единиц на всех уровнях репрезентации [8], другой причиной подмены слова *противоречие* словом *конфликт* служит то обстоятельство, что противоречие, с точки зрения конфликтологии, является одним из основных элементов структуры конфликта как результата *конфликтогенеза* [27]. Это значит, что здесь мы имеем дело с разновидностью метонимии – синекдохой, или стилистическим приёмом, при котором название общего переносится на частное. Иначе говоря, слово *конфликт* (от лат. *conflictus* «столкновение, удар; борьба»; далее из *con-* «с, вместе» + *fligere* «сталкивать, ударять») используется в русском языке как синоним слову *противоречие* в форме тропа, или стилистической фигуры, то есть в переносном значении – для усиления художественной выразительности. Однако если подобная метонимия вполне соответствует стилистике художественной речи, этот приём представляется неуместным в научных текстах, где от терминов, применяемых в логическом рассуждении и доказательстве, требуется максимальная точность и однозначность.

Примечательно в этом отношении, что согласно панхроническому конкордансу современного состояния Национального корпуса русского языка (НКРЯ) слово *конфликт* впервые появилось в отечественных текстах только в 1872 году, в повести «Вешние воды» автора известной цитаты о «великом и могучем русском языке» И.С. Тургенева [39], обитавшего в то время в Европе и резко критикуемого русофилами-почвенниками. Тогда как в словаре А.С. Пушкина, официально и символически признанного *основоположником русского литературного языка* [7], слово *конфликт* не встречается вовсе (хотя там и присутствуют *конфедерация* и *контрибуция*, *концерт* и *конфуз*, и т.п.) [46]. Нет его и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (где, впрочем, обнаруживаются *конфеты*, *конфорка* и т.п.) [16].

В настоящее же время практически повсеместно можно заметить, как *противоречие* метонимически величается *конфликтом* и вытесняется последним не только в художественных, но и научных и просветительских текстах, где образует устойчивые клише, например, *конфликт мнений* или *конфликт идеологий* и т.п. [56]. Это давление *конфликта* в узусе ощущается явно и уже распространилось на общественно значимые тексты. Между тем, совершенно очевидно, что этот процесс ведёт к стиранию или даже утрате смысловых различий, выражаемых русским языком.

Одним из красноречивых подтверждений синонимизации вплоть до безразличия слов *противоречие* и *конфликт* могут послужить опросы чатов современного искусственного интеллекта (*ChatGPT*; *TheV.AI* и др.), где последний использует эти понятия как практически равнозначные не только в художественной стилистике, но и в попытках научной интерпретации окружающей реальности. Это значит, что в операционной программе языка искусственного интеллекта, понятия *противоречие* и *конфликт* практически отождествляются, даже несмотря на то, что первое касается статики, а второе динамики взаимодействия (здесь, кстати, надо заметить, что чаты ИИ извиняются за эту неточность и соглашаются, что такая синонимизация крайне вредоносна, поскольку внедряет искажения в адекватное понимание текстов). В целом ситуация сейчас складывается примерно следующим образом: слово *конфликт* в бытовой речи и текстах выигрывает у *противоречия* не только в виду языковой экономии, но и в силу своей экспрессивности, поскольку обозначает динамическое столкновение, а не статическое разногласие, или контрадикцию (от лат. *contra* «против» + *dicere* «говорить, произносить», из праиндоевр. **deik-* «указывать»), и уже в результате этого становится доминирующим синонимом в оперативной базе языка искусственного интеллекта.

На фоне вышеназванной проблемы главная задача в описании лингвистического аспекта *формулы консента* состоит в том, чтобы в свою очередь потеснить в активной речи *конфликт* и сделать *консент* контекстуальным синонимом слова *противоречие*. В пользу реалистичности решения этой задачи можно привести пару аргументов: во-первых, с точки зрения *консентологии*, противоречие является одним из элементов структуры *консента* как результата *консентогенеза* (т.е. противоречие служит основанием не только для конфликтного взаимодействия субъектов, но и для консентного, о чем речь пойдет в описании психологического аспекта формулы); а во-вторых, *консент* короче слова *конфликт* на одну букву, поэтому с точки зрения *языковой экономии* у него более внушительное состояние.

В языковедческом отношении необходимо также заметить о вероятных и предсказуемых разночтениях в объяснении и восприятии термина в английском языке, где слово *consent* полисемично и уже имеет ряд лексикографических репрезентаций, и в русском, где этот термин ещё не обрел место в толковых словарях, является заимствованием без устойчивого значения и определенной многозначности и пока не обнаруживается в НКРЯ. Эти обстоятельства, несомненно, вызовут затруднения при попытке перевода текста настоящей статьи и прояснения содержания её понятий на английском языке, что необходимо учитывать в связи со статусом последнего как языка, доминирующего в современной мировой науке. Недоразумения при переводе на английский язык могут возникать не только в связи с полисемией слова *consent*, но и с тем, что как в русском языке есть синонимичные слова *консенсус* и *согласие*, так же и в английском – *consensus* и *consent*.

Чтобы избежать здесь путаницы, нужно подчеркнуть, что в нашем контексте *консенсус* – статичен, а *консент* – динамичен, *консенсус* обозначает результат рассуждения, полученный в поисках взаимовыгодного решения противоречий, а *консент* – инициирует само конструктивное взаимодействие, поскольку гипотетический индоевропейский корень *sent («идти»), придает этому понятию динамичность. Так что в этой статье *консент* выражает не *компромиссное согласие* на сексуальный контакт, а *конструктивное взаимодействие* на почве объективных социальных противоречий. Другими словами, если *консенсус* означает согласие, достигнутое на основании компромиссов в обсуждении объективных противоречий, то *консент* постулирует здесь созидательный подход к их решению, т.е. декларирует сам коммуникационный принцип.

Итак, понятие *консент* в контексте этой статьи призвано, чтобы обозначить противоречие как основу для конструктивного взаимодействия, а также подчеркнуть его динамичность на фоне статичности понятия *консенсус*, но главное – скорректировать частоту метонимического использования в активной речи и текстах слова *конфликт* в качестве синонима слова *противоречие* и потеснить первый предлагаемым здесь новым понятием *консент*.

Разумеется, кроме иррационального стремления к языковой экономии и художественной выразительности есть и другие, психологические, основания для синонимизации слов *противоречие* и *конфликт* и вытеснения первого последним. Рассуждая в самом обобщающем формате о когнитивных предпосылках для выбора слова *конфликт* в качестве синонима слову *противоречие*, можно подозревать их корреляцию с соответствующими психотипами, идентифицирующимися в зависимости от выбора термина [19]. С точки зрения когнитивной лингвистики и лингвоперсонологии коммуникативная специфика обусловлена проявлениями того или иного социального и психологического типа [51], на основании которых строятся их способы мироописания вообще и интерпретация объективного противоречия в частности: в одних случаях вербализируется конструктивный концепт, в других – деструктивный. В свою очередь, на основе этой специфики моделируется проявляющаяся в коммуникативной практике личность и выделяются два (помимо конформного) основных типа – *конструктивный* и *деструктивный* [17], или *консентный* и *конфликтный*, в истоки которых полагаются *эрос* и *танатос*, или *либидо* и *мортидо* [1]. В общем говоря, *консентный* и *конфликтный* типы личности определяют различные способы рефлексии на объективные противоречия, проявляющиеся и на вербальном уровне. Представляется, что таким образом конфликтный тип сознания оказывает влияние на возникновение *языка конфликта* и обретение последним повседневной бытовой практики [31].

Итак, если противоречия видятся объективным основанием для взаимодействия разного качества, то способ их разрешения – деструктивный или конструктивный – во многом зависит от характера их субъектов-участников. Выходит, результат и качество разрешения объективного противоречия имеют релятивистский характер и определяются субъективным фактором – *типом личности* участников противоречий или их *типом сознания* [25]. (Здесь *тип личности* следует понимать как нечто устоявшееся и сложившееся из особенностей нервной системы, специфики темперамента, то есть более из биологических характеристик, а *тип сознания* – как сформированное под воздействием социальных факторов и потому скорее подверженное переменам). И именно *тип сознания* является тем субъективным элементом конфликтогенеза, который может корректироваться в связи с характером воспитания и образования.

Одной из причин выбора деструктивного качества взаимодействия и формирования конфликтного типа личности можно назвать неспособность субъектов противоречий находить варианты их конструктивного решения в виду недостатка информации, интеллектуального потенциала и т.п. Поэтому для воспитания личностей, способных рассматривать противоречие как прочную основу для конструктивного взаимодействия, нужно предпринимать специальные образовательные и просветительские меры, т.е. *консентному типу мышления* людей нужно учить специально, используя новейшие технологии.

В настоящее время термин *консенстный тип личности (сознания)* не относится к числу распространенных в исследованиях профильных специалистов, ни тем более к классическим понятиям научной литературы, а представляется относительно новым. Однако он может использоваться в психологии, педагогике и социологии для обозначения характера тех субъектов, кто ориентирован на сотрудничество в конструктивном решении проблем, основанных на объективных противоречиях. Пожалуй, наиболее близким к этому термину можно назвать *гармонический тип (коммуникационной) личности*, базирующийся на установке сотрудничества и кооперации и демонстрирующий волевое поведение, направленное на глобальную стратегию сотрудничества [48].

В семиотическом отношении *формула консента* может быть представлена как символ на границе между предпосылкой и понятием или как символическая запись, с помощью которой первая обретает форму, чтобы стать вторым. Так мысль осуществляется в языке и в тексте обращается в понятие, с применением которого в бытовом общении из словесной формулы вырабатывается условный рефлекс или социальный навык. Таким образом, язык оказывается способным не только описывать привычки или паттерны, но и формировать устойчивые поведенческие стереотипы, строить не только сценарную установку, но и концептуальную парадигму, в свою очередь определяющую характер воспитания психотипа и тот стиль, в котором строится *дом его бытия* [50]. Дом, где, по словам специалистов, «хозяин – не сам человек, а наоборот, язык есть властитель мира»: язык устраивает мир так же, как садовник устраивает сад на пустыре, и дает миру «возможность быть таким, каким он является в своей истине» [2].

Понятие *формула консента* может быть рассмотрено и в свете культурологических представлений, на фоне различий в стадиях развития общества [9]. В таком контексте *формула консента* представляется новым цивилизационным достижением, недоступным дикому и варварскому сознанию. Здесь *формулу консента* можно метафорически изобразить как *указательный знак* на границе дикости и варварства или символ эпохи, отмечающий своего рода историческую и культурологическую веху, после которой в пространственно-временном континууме открывается *истинная цивилизация*.

В последние десятилетия размышления о стадиях развития культуры с позиций междисциплинарности и на фоне встречного дрейфа естественных и гуманитарных наук находят своё выражение в новом теоретизировании на тему соотношения *биологического* и *социального* в человеке. Исследования концепции биосоциологии показывают: если определять *социальное* и *личностное* как развитие универсальных для царства животных биологических стратегий, таких как, например, *борьба за существование*, то содержательным отличием эволюции человека от эволюции других животных, имевших на вооружении те же стратегии, явилось параллельное и равновесное развитие биоиндивидуального организма (личности) и социальности (общества) [49]. В таком контексте *борьба за существование* представляется биологической нормой, а *формула консента* – социальной.

Если же понимать социальное как «небиологическое», или нетождественное биологическому, в этом случае можно подойти к проблеме биосоциального человека с позиций разграничения естественного и искусственного и связать социальное прежде всего с развитием культуры и искусства, орудийной деятельностью человека и технократической цивилизацией. Это разграничение необходимо всякий раз иметь в виду, поскольку безразличие естественного и искусственного, биологического и технологического, непосредственно способствует экстраполяции биологических стратегий в общественные отношения и приданию им статуса социальных норм.

Чтобы образно объяснить сущность *формулы консента* для сознания, привыкшего мыслить физическими категориями, *конфликт* можно представить как искромётно-молниеносное короткое замыкание, когда принудительно сталкиваются положительно заряженный провод с отрицательным, а *консент* – как кипящий после соития вилки с розеткой чайник. Количество выделяемой энергии при этом зависит от разности

потенциалов, но в одном случае взаимодействие имеет деструктивный, а в другом конструктивный характер, что в конечном итоге и определяет результат. Эта аналогия представляется настолько примитивной, что, пожалуй, лучше всего способна облегчить понимание главного тезиса *формулы консента*: если есть разность потенциалов, значит должна быть схема, по которой напряжение может быть реализовано в созидательной деятельности. А указывает на это знак подключения к питанию: $\ominus$. (Вспоминая здесь древних греков, можно слегка поиронизировать: там, где в своё время Гераклиту виделся росчерк молнии, пришло время изобразить формулу).

Как было отмечено выше, *формулу консента* также сложно выяснить, как составить непротиворечивое описание *формулы справедливости*, не говоря уже о *формуле любви*. Если же рассматривать любовь как акт созидательный, *консент* вполне правомочен выступить синонимом слову *любовь*, точнее – если любовь рассматривается как исключительно созидательный акт, только тогда её можно выдавать за синоним *консента* в нашем понимании. Таким образом *формулу консента* можно представить как уточняющий наукословский синоним для неоднозначного лирического и художественного понятия *формула любви*, или как попытку логико-философского доказательства сущего всеблагого Божественного начала, и даже как графическую форму непроизносимого Имени. Поэтому в богословском отношении настоящую статью можно воспринимать как авторские откровения о Всевышнем и Его законе. И хотя об Источнике всех благ здесь мало упоминается в ходе рассуждения, без Его помощи заключенная в *формуле консента* идея не мыслится автору жизнеспособной. (В духе Нового Завета можно даже вообразить: если бы Спаситель жил не среди ессеев, а меж пифагорейцев, и если бы начинал проповедовать не рыбакам, а математикам, тогда наверняка в метафорической речи Он использовал бы не образы рыб и сетей и т.п., а более доступные пониманию окружающих формулы).

Понятие *формула консента*, выдвигаемое в настоящей статье как гипотеза о наличии универсальной модели для конструктивного решения объективных социальных противоречий, может найти применение в различных областях человеческой жизни. Например, в межличностных отношениях и семейной терапии для решения проблемы «отцов и детей», где она может применяться как методологическая альтернатива конфликтологии; в деловой среде, где может использоваться для разрешения противоречий как между контрагентами, так и партнерами внутри команды; в образовательной и воспитательной среде – для разрешения

противоречий между администрацией учебных заведений, преподавателями и студентами, а также для коррекции конфликтного *типа сознания* и через него – *типа личности*; в юриспруденции – для досудебного урегулирования споров; в межкультурной и межрелигиозной коммуникации – в поиске общих путей к миру и сотрудничеству. Эти области представляют лишь несколько примеров, тогда как *формула консента* теоретически может быть применена всюду, где существуют объективные противоречия и необходимость нахождения конструктивных решений. Особенную ценность она имеет в политике и дипломатии, где может рассматриваться как *презумпция конструктивного взаимодействия* сторон в международных отношениях. Предполагается даже, что эта формула способна дать второй шанс мультикультурализму.

Использование *формулы консента* может предоставить следующие преимущества и выгоды: способствовать формированию более стабильного глобального сообщества, основанного на справедливом распределении ресурсов и возможностей, нейтрализации политических распрей ради мирного сосуществования и сотрудничества, а также повышению устойчивости национальных обществ в связи с уменьшением конфликтов меж их различными социальными группами. Поиск новых конструктивных методов может улучшить качество управления и повысить производительность труда, поскольку конструктивный подход к решению противоречий способствует созданию продуктивной атмосферы; а также может содействовать развитию таких лидерских навыков, как умение находить общий язык и направлять массы на поиск созидательных идей. Эти преимущества делают гипотезу значимой концепцией для улучшения качества жизни, взаимодействия и общественной безопасности на различных уровнях.

Разумеется, *формула консента* может встретить и ряд ограничений, в числе которых следует назвать: недостаток информации, времени и ресурсов для нахождения конструктивных решений объективных противоречий; конфликтный тип личности и злоупотребление формулой для достижения собственных целей при игнорировании интересов других сторон; недостаток образования и практического опыта и отсутствие на этой почве понимания общего содержания концепции; культурные и социальные различия, требующие адаптации формулы к конкретному контексту и т.п. Существенные ограничения в использовании *формулы консента* для конструктивного решения объективных противоречий могут быть обусловлены переносом в социальные отношения природных моделей конфликтов, заключающихся в биологической части человеческого существа. С биосоциологической точки зрения одним из факторов для ограничения сферы актуальности *формулы консента* может выступить такое явление, как *биологический антагонизм*, экстраполированный в межклассовые отношения.

Несмотря на эти ограничения и вызовы *формула консента* видится полезной концепцией для решения множества противоречий в различных областях социальной жизни, особенно при правильной адаптации к конкретным ситуациям и контекстам.

На данный момент *формула консента* как концепция не является распространенной и её практическое применение не так известно, как другие методы и подходы к разрешению противоречий, например, *медиация конфликтов* и т.п. [22; 37]. Однако схожие принципы сотрудничества, конструктивного преодоления разногласий и учёта интересов всех сторон известны в истории и уже применялись и применяются в различных структурах, так что можно привести ряд примеров объединений и даже культур целых народов (ирокезы; бушмены), которые достигали успеха благодаря применению подобных принципов. В первую очередь, если обойти вниманием пифагорейцев, это, пожалуй, касается идеологии квакеров, построенной на принципах принятия решений методом консенсуса, а также модели принятия решений в сообществе *IETF – Internet Engineering Task Force* (Инженерный совет Интернета). В числе коммерческих структур следует упомянуть *Ганзейский союз* и его корпоративные принципы. Среди современных компаний можно назвать *Google* и её философию «Не наноси вреда», подразумевающую стремление к решению проблем без ущерба для пользователей и общества; стратегию развития интернет-магазина *Zappos*, известного своими уникальными корпоративными ценностями, включающими основополагающий принцип

«Создавайте вдохновляющую культуру». Некоторую аналогию этим мыслям можно обнаружить в трудах математика и нобелевского лауреата Джона Нэша (John Nash), посвященных *игровой теории* и *теории конфликтов*, также имеющей отношение к сотрудничеству и поиску оптимальных решений [63]. Сюда же можно отнести и исследования концепции *Coordinated Action*, связанной с совместным действием и согласованными усилиями для достижения общих целей. Успешными примерами применения подобных концепций могут быть различные кооперативы и организации, работающие на основе принципов сотрудничества и консенсуса, проекты, связанные с миротворчеством и устойчивым развитием и т.п. Хотя эти компании и организации не подразумевают концепцию *формула консента* непосредственно, они успешно применяют принципы учета интересов и конструктивного взаимодействия для достижения успеха в своих сферах деятельности.

Подводя итог вышесказанному, ещё раз обратим внимание, что взятое в заглавие статьи словосочетание *формула консента* устанавливает ассоциативную связь с рядом известных и знаковых произведений, значительно повлиявших на принципы формирования общественного мнения в последнее столетие. Таким образом (через заглавие) фабула текста обращается к одной из самых захватывающих идей в связи с PR-технологиями. Между тем здесь *консент* имеет несколько иной смысл, не столько выражающий коллективное *согласие* или *консенсус*, сколько фокусирующий внимание субъектов объективных социальных противоречий на поисках их возможного конструктивного решения и призывающий к взаимовыгодной коммуникации на этой почве. В итоге, в русском языке *консент* обретает новое контекстуальное содержание и противопоставляется *конфликту*, обозначающему тоже динамичный, но деструктивный характер взаимодействия.

Одной из главных задач этой статьи в целом можно назвать стремление потеснить в текстах и общении слово *конфликт*, используемое в качестве синонима слова *противоречие*, и тем самым расширить сферу применения слова *консент*. Иначе говоря, задача состоит в том, чтобы доказать справедливость формулы, согласно которой противоречие не следует приравнивать конфликту, а лучше отождествлять с консентом:

конфликт ≠ противоречие ≅ консент.

Поскольку объективные противоречия являются основанием и общим элементом и *конфликта*, и *консента*, различие в качестве реализуемой активности проистекает из определенного типа сознания их субъектов, вступающих во взаимодействие и функционирующих по тем или иным моделям, – деструктивным или конструктивным. Реализация конструктивной или деструктивной модели разрешения противоречия обусловлена социальными, психологическими, а также лингвистическими факторами и определяется коммуникативным контекстом в целом [48].

Носители конфликтного типа сознания затрудняются вступать в консентное взаимодействие не столько потому, что не настроены на поиск конструктивного варианта решения объективного противоречия *a priori* (как в известной русской поговорке: «сила есть – ума не надо»), сколько потому, что не в силах этот вариант вычислить, как, например, большинство людей неспособны найти объяснение теории относительности Эйнштейна или теоремы Пуанкаре. Следовательно, одним из ограничивающих факторов нахождения конструктивных вариантов решений и кооперации на этом основании служит недостаток информации, творческого и интеллектуального потенциала или вычислительных мощностей.

С лингвоперсоналогической точки зрения выбор метафоры для выражения объективного противоречия лежит в психологической плоскости и имеет релятивистский характер, поскольку определяется таким субъективным фактором, как социальный и психологический тип личности (сознания) участников противоречий, который в свою очередь проявляется в языке. Эти типы влияют на выбор лексики: так конфликтный тип предпочитает называть *противоречие* метонимически *конфликтом*, отождествляя статическое и динамическое понятия и синонимизируя их до безразличия (т.е. как бы ставя знак равенства между словами *стоять* и *ринуться*). Такое неразличение широко распространяется и на научные тексты, что свидетельствует о настойчивости (и результативности) «тихого» проникновения этого

«формата» в функционирование русского языка и в сознание на нём говорящих [34], что в результате приводит к *болезни языка* [53]. Таким образом, метонимия может стать причиной неоднозначной интерпретации языковых знаков в текстах и речи и возникновения «иных смыслов» в высказывании, а это, в свою очередь, может привести к непониманию, нежелательным эмоциональным эффектам, напряженности в речевом общении, которые являются сигналами речевого конфликта [18]. В результате чего иррационально и предрассудительно формируется *язык конфликта*, переходящий в определенных ситуациях в *язык ненависти (hatelanguage)* и проникающий в политический язык, становясь частью политических технологий [45]. Именно поэтому *формула консента* призвана в русский язык в качестве своего рода терапевтического снадобья для рационального и сознательного преобразования основного коммуникационного средства в подобие *совершенного языка консента*, в котором (с помощью ИИ) будут скорректированы все случаи, когда слово *конфликт* неоправданно используется в научных текстах как синоним слов *противоречие* или *напряжение*. (Для этого, видимо, потребуется специальная программа-антивирус, которая будет определять, каким метаязыком написан тот или иной текст – *языком конфликта* или *языком консента*).

Область применения *формулы консента* обширна, эта концепция имеет ряд неоспоримых преимуществ в социальной сфере, но вместе с тем и ограничений, связанных с попытками легитимации в социальной коммуникации таких биологических концептов, как *борьба за существование* и *воспроизводство потомства*, *жизненные ресурсы* и *место в социальной иерархии*, и т.п., взамен других естественных жизнедеятельных процессов, таких как *социальный симбиоз* – взаимозависимость между различными социальными субъектами и группами, сотрудничающими в общих интересах, и т.п. [47]. (Здесь кстати надо заметить, что случаи конструктивных взаимодействий в виде симбиозов и иже с ними преобладают в естественной природе, где их приоритет кажется неоспоримым, хотя они и не так бросаются в глаза и впечатляют, как естественные антагонистические явления, реализующиеся в экспрессивной и драматической форме).

Как уже отмечалось выше, одними из существенных ограничительных факторов в применении *формулы консента* видится недостаток информации и интеллектуального потенциала для её вычисления. Но если каждый отдельно взятый естественный интеллект с трудом и не всегда находит решения для реализации конструктивного взаимодействия на почве объективных противоречий, есть надежда, что интеллект искусственный окажется более способным оперативно вычислять схемы конструктивных решений объективных противоречий при наличии исчерпывающих исходных данных. В таком свете *формула консента* предназначается для развития ИИ и внесения подобной схемы в его оперативную базу. Стоит ли говорить, что без навязанной естественным интеллектом идеи о необходимости видеть в объективном противоречии предпосылку и потенциал для конструктивного взаимодействия, т.е. без такой сознательной и откровенной манипуляции, в обществе киборгов дружеское партнерство тоже едва ли будет возможным [49]?

Понятие *формула консента* создается здесь не только как искусственный концепт для символической записи идеи о наличии некой *универсальной характеристики*, но и для инспирирования поисков мотива, способствующего формированию консентного типа сознания. Сама идея о возможности существования *универсальной формулы*, даже как риторического топоса, представляется эффективным средством, помогающим находить в объективном противоречии твердое основание для конструктивного взаимодействия. (Особенно актуальной эта концепция видится в контексте новых исследований биосоциальной природы человека).

Введение нового концепта в лоно научной риторики может быть оправдано и стремлением к освобождению мысли от метонимической деспотии языка [21], принуждающего в виду склонности к экономии и для большего эффекта к выбору экспрессивной формы. Поэтому авторская интенция заключается в том, чтобы представить *формулу консента* настолько эмоционально насыщенным тропом, что мысли о возможности её реализации были бы способны приводить интеллектуалов и им сочувствующих в бóльшее возбуждение, или *коллективное вскипание* [60], чем идея *конфликта*.

Представляется, что *формула консента* заслуживает исследования монографического масштаба, поскольку кратко упомянутые здесь аспекты при более подробном рассмотрении, усердном прилежании и критике могут вылиться в отдельные параграфы. С другой стороны, значение имеет не столько размер, сколько влияние текста на общественное мнение, поэтому для более успешного распространения и реализации этой концепции, призванной противостоять разного рода мортальным культам и деструктивным идеологиям (посредством трансформации их потенциала в созидательный), потребуется создание для неё специального логотипа, или *ярлыка-символа* [6]. Ведь так же, как к заглавию сводится текст, первое может быть сведено к символу или знаку, который достаточно только вообразить, чтобы возбудить страсть к конструктивному взаимодействию и устремить в это направление сознание субъектов социальных противоречий. И как для сексуального возбуждения достаточно бывает одной эротической картинке, должен быть хотя бы один настолько впечатляющий вариант символической записи *формулы консента* (или её логотип), подобный по силе воздействия заклинанию и неотвратимо мотивирующий оппонентов на взаимовыгодную кооперацию. Для успеха в продвижении *формулы консента* нужно создать, пользуясь мировым культурным наследием, такое её графическое выражение, которое вызывало бы у сторон объективных противоречий непреодолимое желание к конструктивному взаимодействию, подобное по силе тому влечению, что возникает у неискушённых влюбленных на первом свидании.

Поскольку слово *консент* является недавним заимствованием, могут возникнуть сомнения в целесообразности его использования в русском языке, даже в профилактических целях – ради снижения вредоносного влияния слова *конфликт*. В духе актуальных в настоящее время веяний, направленных на сохранение чистоты русского языка (известных в истории европейского языкознания как *пуризм*), представляется необходимым постараться избавиться от слова *конфликт* (и тем более *батл*), являющихся такого рода заимствованиями, злоупотребление которыми приводит к искажению подлинных смыслов и вносит недоразумение в языковую картину русского мира.

В настоящее время для исправления ситуации видится возможной по крайней мере пара вариантов: либо использовать новое слово *консент* для компенсации негативного воздействия слова *конфликт* на сознание носителей, либо очистить от последнего русский язык вообще, ведь в таком случае не потребуется и нового заимствования, и тогда противоречие останется *противоречием*, напряжение – *напряжением*, а столкновение – *столкновением*. (Разумеется, и в заимствованиях есть свой резон, поскольку они пополняют лексический запас синонимами, во избежание тавтологии обогащая речь и при умелом применении украшая её. Однако всякий раз следует соразмерять выгоду и вероятный ущерб, причиняемый их злоупотреблениями национальным языку и самосознанию).

В заключении необходимо ещё раз подчеркнуть значимость и актуальность концепции *формула консента* в современном глобальном мире, где она видится просто необходимой, поскольку с её помощью можно сохранять человеческие жизни и избегать бесполезного расхода энергии и давно уже ненужных кровавых жертв [Евр.13:16; 1 Петр. 2:5]. Ведь даже в таких сложных противоречиях, как международные и религиозные, носители консентного типа сознания легко смогут находить направления и формы созидательного сотрудничества в деловой, научной, образовательной, спортивной, культурной и т.п. сферах, лишь приложив к ним немного изобретательности.

Литература

1. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. – М., 2017. – 496 с.
2. Библихин В.В. Язык и мир / Язык философии. – М., 1983. – С. 86-93.
3. Блаженный Августин. Исповедь // в пер. М.Е. Сергиенко, отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб. : Наука, 2013. – С. 54.
4. Блаженный Августин. Об истинной религии. Теологический трактат. – Минск : Харвест, 1999. – С. 511.
5. Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. – С. 239-240.
6. Викентьев И.Л. Приемы рекламы и Public Relations. Программы-консультанты. – СПб., 1995. – 228 с.
7. Виноградов В.В. Пушкин А. С. – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР : Отделение литературы и языка. – М., 1949. – Т. VIII. – Вып. 3. – С. 187-215.
8. Вишнякова О.Д., Лингарт А.А. Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход) // Когнитивные исследования языка, 2023. – № 4 (55). – С. 73-77.
9. Выжлецов П.Г. Дикость, варварство, цивилизация как три стадии исторического развития общества и культуры у Л. Г. Морган // Научная сессия ГУАП : Сборник докладов: в 3 частях. Том Часть III. 2015. – С. 7-11.
10. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2007. – 144 с.
11. Гегель Г. Наука логики. В 3-х тт. Т.1. – М. : Мысль, 1970. – С. 168-169.
12. Гераклит. О природе. – М. : АСТ, 2022. – 224 с.
13. Геродот. История – Книга первая. Клио // История в 9 кн. / Пер., предисл. и указатель Ф.Г. Мищенко – Изд. 2-е, испр., доб. в предисл. и снабженное картами. – М., 1888. – С. 47.
14. Глуценко В.В. Научная теория команд и стратегического управления работой команд // Бюллетень науки и практики, 2020. – Т. 6. – №4. – С. 272-286.
15. Давитадзе М.Д. Право и справедливость // Вестник Московского университета МВД РФ, 2018. – № 4. – С. 134-140.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 т.] //2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи автора. – СПб. ; М., 1881. – Т. 2. – С. 154.
17. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. Юридическая конфликтология. Ч. 1. Введение в общую теорию конфликтов. – М., 1993. – С. 122-124.
18. Ильенко С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии: Сб.ст. СПб., 1996. – С. 7.
19. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М., 2019, – С. 394.
20. Кареев Н.И. Миф и героический эпос //Филол. записки, 1872. – В.5. – С. 20.
21. Кареев Н.И. Речь и мифология / Мифологические этюды // Филологические записки, 1873. – В.3. – С. 65-73.
22. Комольцева Е.О. Медиация, как способ разрешения конфликта // Вестник магистратуры, 2015. – № 1. – С. 43-46;
23. Консент: важный аспект сексуальных отношений и согласия. <https://ru.anyquestion.info> (Дата посещ.: 11.11.2023)
24. Консент: основные принципы и применение в повседневной жизни. <https://napikape.ru/> (Дата посещ.: 05.11.2023)
25. Кордас О.М. Фундаментализм и нигилизм как формы конфликтного сознания // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2020. – № 2 (27). – С. 18-20.
26. Королева А.М. Поэтика заглавия: из истории почти 100-летних наблюдений // Язык, мышление, цифровизация: к 160-летию журнала «Филологические записки» : Сборник статей международной научно-практической конференции / отв. ред. А.И. Лазарев. – Воронеж: Научная книга, 2021. – С. 231-240.

27. *Коростылева Н.Н.* Женщина и мужчина: от конфликта к согласию (Исследования гендерного конфликтогенеза). – М., 2005. – 250 с.
28. *Кржижановский С.Д.* Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре // Собрание сочинений в 5 т.– СПб.: «Симпозиум», 2006. – Т. 4. – 848 с.
29. *Лазарев А.И.* Основы консентологии. – Воронеж : Кварта, 2010. – 24 с.
30. *Лазарев А.И.* Миф об основном мифе / Социология в трудах Н.И. Кареева: сборник к 170-летию Н.И. Кареева: по материалам конференции Герценовского университета. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – С. 359-371.
31. *Лазарев А.И.* Русофобия как способ легитимации мизантропии и шаг к посттолерантности // Журнал социологических исследований, 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 25-32.
32. *Лейбниц Г.В.* Элементы универсальной характеристики / Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1984. – Т. 3. – С. 507.
33. *Лейбниц Г.В.* О злоупотреблении словами / О словах / Новый опыт о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. – Т.2. – С. 346-357.
34. *Литвин Ф.А.* Внутренние (языковые) и внешние факторы некоторых изменений в современном русском языке // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 265-269.
35. *Лосев А.Ф.* Топологическая эстетика // История античной эстетики. – М., 2000. – Т. IV. – С. 810.
36. *Лосев А.Ф.* Философия имени. – М.: Академический Проект, 2009. – 300 с.
37. *Маврин О.Ю.* Медиация как элемент модернизации гражданского общества современной России // Вестник экономики, права и социологии, 2013. – № 1. – С. 156-159.
38. *Младенович М.* Об идее справедливости и ее реализации // Знание. Понимание. Умение, 2009. – № 3. – С. 43-50.
39. Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/> Дата посещения: 23.11.23)
40. *Нерсесянц В.С.* Политические учения Древней Греции. – М., 1979. – 264 с.;
41. *Нерсесянц В.С.* Дике и номос: в поисках начал справедливости // Философия права. Учебник для вузов. – М., 2005. – С. 399-403.
42. Поэтика заглавия: сб. науч. тр. – М., Тверь: Лилия Принт, 2005. – 334 с.
43. *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. – М.: «КАНОН-пресс», 1998. – 416 с.
44. *Самборук Л.А.* Экономия языковых средств в контексте бытового общения (на материале английского языка) // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. – Вып. 3. – Самара: Изд-во «Центр периодических изданий», 2018. – С. 79-85.
45. *Скрынник В.Н.* Толерантность и ксенофобия. Смысл и реальность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика», 2017. – № 1. – С. 26-34.
46. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2000. – Т.2. – С. 386.
47. Социология : словарь-справочник / [А.В. Лубский и др.]; под общ. ред. Ю.Г. Волкова ; Юж. федер. ун-т, Ин-т по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитар. и соц. наук. – М., 2006. – 347 с.
48. *Третьякова В.С.* Конфликт глазами лингвиста / Языковые конфликты и проблемы языковой экологии // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 127-140.
49. *Туринцева Е.А., Решетникова Е.В.* Биосоциальный человек и возможные направления антропосоциальной эволюции // Знание. Понимание. Умение, 2016. – № 2. – С. 86-100.
50. *Хайдеггер М.* Путь к языку // Время и бытие. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
51. *Цуциева М.Г.* Лингвоперсонология как исследовательское направление в современной лингвистике // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2013. – № . – С. 1-3.

52. Шестов Н.И. «Формулы справедливости»: взаимосвязь научного и мифологического дискурсов // Символическая политика, 2015. – С. 126-143.
53. Шмелева Т.В. Канцелярит и другие языковые недуги // www.library.krasu.ru/ (Дата посещения: 23.11.2023)
54. Эко У. Философские языки от Просвещения до наших дней // Поиски совершенного языка в Европейской культуре. – С-Пб., 2009. – С. 300-323.
55. Эмпедокл (Фрагменты в стихотворном и прозаическом переводе) // Якубанис Г.И. Эмпедокл философ, врач и чародей : Данные для его понимания и оценки. – Киев : тип. Имп. Ун-та св. Владимира, АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1906. – С. 73-134.
56. К подобным клише относится и юридический термин *конфликт интересов* – ситуация, при которой «личная заинтересованность (прямая или косвенная) государственного служащего влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей». В противовес этому следует смоделировать клише *консент интересов*, т.е. такую ситуацию, в которой государственный служащий руководствуется прямой и косвенной общественной заинтересованностью хоть и в пристрастном, но надлежащем исполнении должностных обязанностей.
57. Bernays, E.L. The Engineering of Consent, Univ. of Oklahoma Press, 1955,
58. Buchanan, J.M., Tullock, G. The calculus of consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy – Univ. of Michigan Press, Ann Arbor, 1962, 361 p.
59. Delormel, J., Projet d'une langue universelle présenté a la convention nationale, Paris: 1795, 50 p.
60. Durkheim, E. Les formes élémentaires de la vie religieuse, Paris, 1912, 647 p.
61. Herman, E., Chomsky, N. Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media. New York, Pantheon Books, 1988, 412 p .
62. Lippmann, W. Public Opinion. Harcourt, Brace & Co., New York, 1922, 427 p.
63. Nash, J. Non-Cooperative Games, The Annals of Mathematics, Second Series, Vol. 54, No. 2 (Sep., 1951), P. 286-295.
64. Online Etymology Dictionary by Harper, Douglas R. <https://ru.wiktionary.org/wiki/consent/> (Дата посещения: 04.11.2023)
65. Rogosin, V. The Formula of Justice: The OntoTopological Basis of Physica and Mathematica // The Foundational Questions Institute Essay Contest, 2015, 10 p.
66. Shelton, H.S. The Spencerian Formula of Justice // International Journal of Ethics, 1911, V. 21, P. 298-313.